

Содержание

МЕДНЫЙ КУВШИН

Глава 1. Горацию дается поручение	7
Глава 2. Дешевая покупка	18
Глава 3. Сюрприз при открывании	24
Глава 4. На свободе	39
Глава 5. Карт-бланш	44
Глава 6. Ненужные богатства	60
Глава 7. Благодарность — яркое предвкушение грядущих благ	73
Глава 8. Холостяцкая квартирка	88
Глава 9. (Гнушайся, о чадо, роскошью персов!)	98
Глава 10. В гостях хорошо, а дома лучше!	123
Глава 11. Дурацкий чертог	131
Глава 12. Вестник надежды	150
Глава 13. Выбор зол	163
Глава 14. Так как исхода нет, то поцелуемся да и расстанемся	178
Глава 15. Головокружительные почести	195
Глава 16. Убийственное положение	204
Глава 17. Объяснение на вышке	216
Глава 18. Кривая вывезла	228
Эпилог	249

ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ

Глава 1. Черный понедельник	259
Глава 2. Великое превращение	270
Глава 3. Неожиданные осложнения	285
Глава 4. Минога среди тритонов	300
Глава 5. В опале	323
Глава 6. Учение — свет	343
Глава 7. Разрубить узел	360
Глава 8. Роковые кролики	376
Глава 9. Письмо из дома	389
Глава 10. Новейший письменник	402
Глава 11. День отдыха	411
Глава 12. Приговор	423
Глава 13. Отсрочка	439
Глава 14. Не рассчитал	449
Глава 15. Рубикон	461
Глава 16. Новые осложнения	474
Глава 17. Коварный союзник	493
Глава 18. Загнан в угол	510
Глава 19. Выяснение отношений	521

Глава 1

Горацию дается поручение

— Сегодня — как раз шесть недель! Да, шесть недель тому назад! — сказал вполголоса Гораций Вентимор и вытащил часы. — Половина двенадцатого... Что же я делал тогда в половине двенадцатого?

Сидя у окошка в своей конторе, на Большой Монастырской улице в Вестминстере, он перенесся мыслью к тому яркому августовскому утру, которое теперь казалось таким далеким и невозвратимым. Именно в этот час он ждал на балконе гостиницы — единственной гостинице в Сен-Люке, крошечном приморском местечке в Нормандии, куда его занес счастливый случай во время одинокой поездки на велосипеде, — ждал ее появления.

Он как сейчас видел всю обстановку: миниатюрный заливчик, на зеленую воду которого сонно ложилась фиолетовая тень утеса; движение волн, лениво плескавшихся у мостиков, с которых он сам кидался в воду полчаса назад; он вспомнил, как далеко плавал к бакену; вспомнил, с каким радостным предчувствием одевался и лез по крутой тропинке к террасе гостиницы.

Ибо разве ему не предстояло провести весь остаток этого блаженного дня в обществе Сильвии Фьютой? Разве не собирались они вместе на велосипедах

(правда, с ними ехали и другие, но те не считались) в Виолет, чтобы закусить там над утесом и нестись обратно, все время вместе, среди душистого сумрака по береговым склонам, между тополями или вдоль ржаных полей, отливающих золотом под ярко-пурпуровым небом?

Он видел себя обходящим мощеный двор перед гостиницей и вспомнил, как его охватил внезапный страх прозевать ее. Перед ним была только низенькая тележка с холстинным верхом, предназначенная для доставки профессора Фютвоя с женой на сборный пункт.

Вот, наконец, появилась и Сильвия, умопомрачительно прекрасная и свежая в своей легкой розовой блузке и юбке цвета крем. Как грациозна, приветлива и вообще очаровательна была она весь этот незабвенный день, наилучший в ряду других дней, несколько менее прекрасных и теперь миновавших навек!

Правда, не все в них было совершенством. Старый Фютвой порою слегка надоедал своими бесконечными диссертациями о египетском искусстве и о старинных восточных письменах, будучи уверен, что Гораций горячо интересуется ими, хотя последний только политично притворялся. Профессор был учнейшим из археологов и положительно лопался от сведений по своим любимым предметам, но весьма возможно, что Гораций проявлял бы меньше любознательности касательно разницы между клинообразными или арамейскими и арабскими надписями, если бы его собеседник был отцом другой девицы. Впрочем, подобная неискренность является доказательством искренней любви.

Так, мучая сам себя, Гораций рисовал себе картины этих каникул, проведенных в Нормандии: деревянные избушки с линюче-синими ставнями и чере-

пичными крышами, поросшими тростником; шпили деревенских церквей, сверкающие над бронзово-зелеными берегами; крутые склоны у моря; желтые и оранжевые утесы, имеющие мрачный вид рядом со вспаханнами полями или лугами у их подошвы; пятнистый, белый с черным скот, мирно пасущийся у моря, цвета ляпис-лазури и малахита, — и повсюду присутствие Сильвии, звук ее голоса в ушах! А теперь... Он поднял взор с бумаг и транспаранта на своей конторке, обвел глазами тесную комнатку, в которой работал, взглянул на планы, фотографии, разные рамки на стенах и почувствовал глухое раздражение против этой обстановки. Из окна открывался веселый вид на высокую рассыпающуюся стену, прежде входившую в состав старинной ограды аббатства и увенчанную фризом, над ржавыми остриями которого протягивались желтеющие ветви нескольких платанов.

— Она непременно полюбила бы меня, — мелькнули у него отрывочные мысли. — Можно было поклясться в этом, особенно в тот последний день... И родители ее ничего не имели против. Мать довольно радушно просила меня зайти к ним по возвращении в город. Когда я пошел...

Когда он пошел, то вышло совсем иное, весьма обычное для знакомств, завязавшихся на континенте, на водах. Было трудно определить, но невозможно не заметить некоторую формальную непринужденность со стороны г-жи Фютвой и даже со стороны Сильвии, которые как будто намекали на то, что не всякая дружба переживает переезд через Ла-Манш. Он ушел с болью в сердце, но с ясным сознанием, что теперь необходимо ждать первых шагов с их стороны. Пусть позовут его обедать или хоть пригласят бывать... Но прошло более месяца, и от них не было вестей.

Нет, разумеется, все кончено! Он должен понять, что от него отвернулись.

— Во всяком случае, — говорил он себе с коротким и невеселым смехом, — это довольно естественно. Г-жа Фютвой, вероятно, справлялась о моих профессиональных перспективах. Да оно и лучше! Как могу я жениться, еще не достигнув самостоятельности? Сейчас я только себя содержу прилично. Я не имею права свататься к кому-либо, не говоря уже о Сильвии. Если бы я с ней виделся, я уступил бы искушению. Это не невеста для такого нищего, как я, обреченного на несчастье. Однако ныть совершенно бесполезно. Взглянем лучше на последнее произведение Бивора.

Он развернул большой раскрашенный план, на уголке которого была подпись: «Вильям Бивор, архитектор», и начал разглядывать его с неособенной благосклонностью.

— Бивор лезет в гору, — решил он про себя. — Бог свидетель, я не завидую его успехам. Он — славный парень, хотя его архитектурные вымыслы ужасны. Но кто я такой, чтобы критиковать его? Он преуспевает, а я — нет! Между тем, будь я на его месте, чего бы только я не сделал!

Тут необходимо заметить, что в этом не было обычного самообмана бездарности. Талант у Вентимора на самом деле был выше среднего; при лучших условиях его идеалы и честолюбивые стремления могли бы достигнуть признания и осуществления.

Но у него как-то не хватало энергии; сверх того он был слишком горд, чтобы выставляться напоказ, и до сих пор ему упорно не везло.

Поэтому в данный момент у него не было других занятий, кроме как помогать по мере надобности Бивору, пополам с которым он нанимал деловое помещение и конторщика; и ему невесело было чув-

ствовать, что с каждым годом такой насильственной полупраздности он все более отстает от прочих в погоне за богатством и славою, так как ему уже минуло двадцать восемь лет.

Если девица Сильвия Фютвой когда-нибудь питала к нему действительное влечение, то понять это было нетрудно. Гораций Вентимор не был образцом мужской красоты, такие образцы часто встречаются только в романах, да и там не интересны, но его резко очерченное и чисто выбритое лицо дышало известным благородством, и если около рта слегка обозначились иронические черточки, зато серо-голубые глаза глядели замечательно открыто и приятно. Он был хорошо сложен и достаточно высок, чтобы никак не считаться приземистым; белокурый и бледный, но без оттенка болезненности, он производил впечатление человека, принимающего жизнь как она есть и с юмором встречающего те тучи, которые могли омрачить его горизонт.

Раздался стук в дверь, которая вела в кабинет Бивора, и влетел сам Бивор, красный, плотный человек с узенькими бочками.

— Слушайте, Вентимор, вы еще не сбежали с планами того дома, что строится у меня в Ларчмире? Потому что... Ах! Вот вы именно их просматриваете! Извиняюсь, что помешаю, но...

— Ничего, милейший, берите, пожалуйста, я уже просмотрел.

— Я сейчас еду в Ларчмир. Там надо принять материалы, а оттуда — в Фитльсдон. Это потребует времени, так что я пропаду на несколько дней. Харисана беру с собой. Ведь он вам здесь не понадобится?

Вентимор засмеялся.

— Ничего не поделаешь, я могу и без помощника. Вам он нужнее, чем мне. Вот ваши планы.

— Я и сам доволен ими, знаете, — сказал Бивор, — эта крыша ведь недурна? Хорошо, что мне пришло на ум положить на нее этот орнамент вдоль гребня. Вы видите, я воспользовался одним из ваших окошек с ничтожным добавлением. Я уже склонялся последовать вашему совету и сделать оба фасада одинаковыми, но потом решил, что так будет оригинальнее: тут — красный кирпич, а там — плитки.

— О да, — согласился Вентимор, зная, что возражения бесполезны.

— Не думайте, конечно, — продолжал Бивор, — что я особенно стою за оригинальность для обывательских домов. Среднему клиенту не более нужен оригинальный дом, чем оригинальная шляпа. Он требует только того, что более или менее общепринято. Я часто думал, старина, что, может быть, именно поэтому вы и не преуспели... Ведь вы не в претензии за откровенность?

— Ничуть, — весело ответил Вентимор, — откровенность есть цемент дружбы. Валяйте дальше!

— Я только хотел сказать, что вам не принесли пользы ваши оригинальные фантазии. Если бы вам повезло хоть завтра и вы получили бы заказ, я уверен, что вы навредили бы себе какой-нибудь особенной выдумкой.

— Такие соображения по меньшей мере преждевременны, так как на моем горизонте нет ни тени заказа.

— А мне повезло, едва я взялся за дело, — сказал Бивор. — Но главное в том, — продолжал он с оттенком самодовольства, — чтобы уметь воспользоваться случаем. Однако мне пора, а то пропущу поезд. Вы взгляните без меня на мою корреспонденцию и сообщите мне, о чем будет нужно. Ах, кстати, мне только что прислали смету Вудфордской школы. Посмотри-

те, пожалуйста, и скажите, верно ли. Да, еще новый флигель в Гускулум-Лодже... Вы можете вычертить его на досуге. Все найдете у меня в конторке. Спасибо, спасибо, мой милый!

Бивор кинулся обратно к себе в комнату и начал торопить Харисана, своего конторщика. Затем кликнули извозчика, затопали по старой лестнице; отъезжавший экипаж затарахтел по неровной мостовой, а потом воцарились безмолвие и одиночество.

Было бы неестественно не ощутить некоторую зависть. Бивор имел в мире свое назначение: даже если оно состояло лишь в том, чтобы портить леса и парки нелепыми или претенциозными дачами, все же это был труд, дававший ему право на уважение в глазах всех здравомыслящих людей.

А в Горация никто не верил. Доселе плоды его творчества еще ни разу не воплощались в кирпич и камень. Нигде не стояло такого здания, благодаря которому могла бы сохраниться после его смерти память о нем самом и о его таланте.

Такие мысли не были приятны, и, чтобы от них избавиться, он пошел в кабинет Бивора за бумагами, о которых упоминал последний: надо было хоть чем-то заняться, пока не настанет время идти в клуб и завтракать. Не успел он усесться за дело, как на площадке зашаркали чьи-то ноги и раздался стук в дверь конторы. «Еще заказ для Бивора, — подумал он. — Вот уж везет этому парню! Надо пойти сказать, что он уехал по делу».

Но, войдя в соседнюю комнату, он услышал повторение того же стука, и на этот раз — у собственной двери; поспешив вернуться, чтобы положить конец этой игре в прятки, он увидел, что пришедший ищет именно его и что это не кто другой, как сам профессор Антон Фютвой.

Профессор стоял на пороге, щуря из-за очков свои близорукие глаза, и, вытянув шею из широкого пальто, напоминал собой любопытствующую черепаху. Горацию его появление было приятнее, чем приход самого богатого заказчика, ибо как мог прийти к нему в гости отец Сильвии, если бы она сама не желала продолжать знакомство? Он даже мог явиться с каким-нибудь поручением или приглашением.

Итак, несмотря на то что, на объективный взгляд, профессор ничем не мог вызвать дикого восторга, Гораций был непритворно рад его видеть.

— Вы слишком добры, что пришли навестить меня, — сказал он с жаром, усадив его в единственное кресло, предназначенное для гипотетических заказчиков.

— Нет,нисколько. Боюсь, что ваше посещение, когда вы были у нас в Коттсморе, вышло не совсем удачным.

— Неудачным? — повторил Гораций, недоумевая, что будет дальше.

— Имею в виду тот факт, может быть, и не замеченный вами, — пояснил профессор, почесывая с легкой раздражительностью свои жидкие поседевшие бакенбарды, — что меня самого в тот раз не оказалось дома.

— Да, это была большая неудача, — сказал Гораций, — хотя я знаю, как занято ваше время. Тем любезнее с вашей стороны найти минутку, чтобы зайти просто так поболтать.

— Я пришел не ради болтовни, господин Вентимор. Я никогда не болтаю. Я хотел видеть вас по делу, надеюсь, что вы... Но замечаю, что вы заняты, может быть, слишком заняты, чтобы отрываться ради такой мелочи.